

УДК 32.019.5

ЭФФЕКТ НИЗКОЙ ЯВКИ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2016 г.

И. А. Быков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Институт выборов в современной России подвергается интенсивному исследованию как в самой России, так и за рубежом. Среди многообразия исследуемых проблем в этой области доминируют вопросы электоральной инженерии и политической географии. В данной статье анализируются эффекты низкой явки на выборах в Государственную думу Российской Федерации в 2016 г. Выборы 2016 г. проходили с изменением некоторых электоральных процедур, нацеленных в том числе на снижение явки избирателей. Речь в первую очередь идет о переносе даты выборов на сентябрь. Также важнейшим фактором стало возвращение к смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. В результате этих и других политических решений явка избирателей понизилась по сравнению с предыдущими выборами 2011 г. более чем на 13 %. При этом низкая явка избирателей наблюдалась на фоне падения интереса к политике и сочеталась со значительным повышением результатов партии «Единая Россия». С помощью корреляционного анализа, затронувшего все 225 избирательных округов, автором не было обнаружено статистически значимой взаимосвязи между явкой и уровнем голосования за «Единую Россию». Это говорит, в частности, о том, что избирательная модель, сочетающая низкую явку и смешанную пропорциональную систему, может быть с успехом воспроизведена в будущем. Побочным результатом статистического анализа выборов в Государственную думу Российской Федерации стал вывод о существовании регионов со специфическим электоральным поведением, сочетающих значительно более высокий уровень явки и голосования за «Единую Россию», чем в среднем по России.

Ключевые слова: выборы, Государственная Дума, политическая агитация, политический PR, политика, политическая кампания, региональная политика, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших характеристик избирательной кампании в Государственную думу (ГД) в 2016 г. стало снижение участия граждан в голосовании. Данная особенность сформировалась в результате снижения общей политической активности после эмоций, связанных с политическими протестами против результатов выборов в ГД предыдущего созыва, и особенно после политической эйфории в связи с событиями на Украине, в Крыму и на Донбассе. Политическая мобилизация сторонников курса Президента В. В. Путина стала постепенно снижаться. Очевидно, что использование любых мобилизационных технологий, в том числе во внешнеполитических конфликтах, переживает несколько этапов

и неизбежно включает циклы мобилизации/демобилизации/затишья (см.: Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации).

Так получилось, что выборы в ГД 2016 г. совпали с периодом снижения политической активности в России. Об этом, в частности, говорят результаты опросов, проводимых ведущими социологическими центрами России. Они показали, что население в целом меньше интересовалось выборами, чем в предыдущие годы. К примеру, опрос «ФОМнибус» (27–28 августа) показал, что 51 % опрошенных «не смотрели и не будут смотреть теледебаты» (К выборам в Госдуму в сентябре 2016 г.). Левада-центр указал, что уровень декларируемого участия в выборах составил менее 50 % и стал самым низким за последние 10 лет (Готовность голосовать и предвыборные рейтинги). Следует отметить, что данная тенденция была сформирована в течение предыдущих двух лет, когда выборы постепенно становились менее и менее конкурентными и вызывали все меньше и меньше интереса у избирателей. Среди других причин, повлекших снижение интереса избирателей к выборам в ГД, можно упомянуть перенос даты выборов, что привело к фактическому сокращению избирательной кампании до нескольких недель, а также изменение избирательной системы с пропорциональной на смешанную.

В результате невысокого интереса избирателей к прошедшим в сентябре выборам значительно понизился уровень явки: с 60,21 % в 2011 г. до 47,88 % в 2016 г. Кроме того, имело место резкое повышение фактических результатов выборов для «Единой России»: с 238 депутатских мандатов в 2011 г. до 343 — в 2016 г. Особенно впечатляющие результаты были получены в одномандатных округах, которые в итоге дали «Единой России» 203 места в парламенте, что значительно выше, чем по партийным спискам (140 мест). Эти общие результаты ставят перед исследователями вопрос о предпочтительном для «Единой России» формате голосований: так ли уж необходима высокая явка для достижения электоральных целей? Действительно, может быть, «скучные и неинтересные выборы» — это надежный вариант? Или, иными словами: может ли на следующих выборах использоваться инерционный вариант на фоне низкой явки? В данном исследовании мы предпримем попытку статистической оценки результатов выборов 2016 г. для верификации гипотезы о корреляции явки и голосования за «Единую Россию».

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫБОРОВ В РОССИИ

Интерес к теме выборов в России был в значительной степени подстегнут событиями, произошедшими после выборов в ГД в 2011 г. и получившими в литературе название «протесты» (Lonkila, 2012). Основным поводом протестных выступлений послужили многочисленные нарушения на избирательных участках и при подсчете голосов избирателей (Соколов, 2013). Одним из косвенных подтверждений фальсификаций стали популярные публикации физика Сергея Шпилькина, который указывал на маловероятность официальных данных, в соответствии с которыми распределение явки на избирательных участках формируется вопреки нормальному распределению, или «кривой Гаусса» (Шпилькин, 2011). Возник-

шая впоследствии в научных кругах в России и за рубежом оживленная дискуссия (Бузин, 2014; Калинин, Шпилькин, 2012; Попова, 2015; Шумилов, 2013; Oreshkin, 2012) в принципе шла по направлениям, описанным в ходе предыдущих исследований о роли фальсификаций в выборах на постсоветском пространстве (Бузин, 2007; Собянин, Суховольский, 1995; Myagkov, Ordeshook, Shakin, 2009). Идея использования статистических подходов для выявления фальсификаций получила большие возможности для реализации благодаря работе независимых наблюдателей и системе избирательных комиссий России. Основываясь на данных независимых наблюдателей, Д. Орешкин указал на существование «непрозрачных» регионов, в которых работа этих наблюдателей фактически невозможна и которые характеризуются, с одной стороны, невероятно высокой явкой, а с другой — высоким же уровнем голосования за «Единую Россию» (Орешкин, 2016).

Другая группа исследователей сосредоточилась на анализе выборов как индустриализации возникшего политического режима, который чаще всего именуют «электоральным авторитаризмом» (Howard, Roessler, 2006; Magaloni, 2010; Schedler, 2006; Sharafutdinova, 2015). В. Гельман указывал на признаки ослабления режима, который был вынужден пойти на некоторые изменения в законодательстве о политических партиях и вернулся к смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе (Gel'man, 2013). Н. Гришин показал, что выборы проводятся скорее в интересах «олигархов» и выполняют функции сброса политических эмоций, т. е. выполняют не только репрессивные функции, подавляя «внесистемные» группы, но и функции кооптации, создавая ощущение сопричастности, а также давая дополнительный канал обратной связи (Grishin, 2015). Г. Голосов выводит взаимозависимость авторитарных тенденций на региональном и федеральном уровнях, которые фактически поддерживают друг друга (Golosov, 2011).

К сожалению, количество работ, в которых выборы в России пытаются исследовать с точки зрения избирательных технологий, относительно невелико (Электоральная Россия 2014 г.; Электоральная Россия 2015 г.; Головин, 2012). Тема «административного ресурса» и доминирования «партии власти» остается центральной, хотя некоторые исследователи находят иные темы для анализа. К примеру, Р. Туровский пишет о возможных трансформациях электорального пространства России от единого национального проекта всероссийских партий к новой регионализации (Туровский, 2012). Другие говорят скорее не о регионализации, а о персонификации выборов, когда политические взгляды и партийная принадлежность практически полностью уходят из предвыборной агитации (Кынев, Любаров, Максимов, 2014).

Вероятно, динамика развития политического режима России во многом определяется выборами как точками флуктуации, когда появляется возможность для политической нестабильности. С. Уайт и Т. Маккалистер удачно описали эту проблему в статье о ситуации «Революции Фейсбука в России» после выборов в ГД в 2011 г. (White, McAllister, 2014). К счастью, размеры фальсификаций оказались незначительными, поскольку опросы Левада-центра после выборов показали отличие от официальных данных на несколько процентов, а наметившийся было раскол политических элит был оперативно устранен. Тем не менее протесты подтвердили наличие глубинных проблем политического режима,

в связи с чем возникают принципиально важные вопросы о степени конкурентности выборов и приемлемых для партии власти результатов.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Как мы уже указывали, во многих исследованиях обсуждалась тема зависимости результатов «Единой России» от явки. Очевидно, что недавние выборы также могут быть подвергнуты аналогичному анализу. Для подсчета явки в округах и уровня голосования за кандидатов от «Единой России» мы использовали официальные данные Центральной избирательной комиссии, которые находятся в открытом доступе на сайте www.vybory.izbirkom.ru. Явка в округах подсчитывалась по следующей формуле: $\text{Явка} = (\text{недействительных} + \text{действительных} / \text{зарегистрированных избирателей}) \times 100$. Уровень поддержки кандидатов от «Единой России» вычислялся так: $\text{процент за кандидата от «Единой России»} = (\text{количество голосов} / \text{недействительных} + \text{действительных}) \times 100$. Нами были собраны данные по явке и доле голосов за «Единую Россию» по всем 225 одномандатным округам. Общие результаты представлены на рис. 1. Еще раз подчеркнем, что мы рассматривали голосование по одномандатным округам за кандидатов от «Единой России», так как именно они дали партии больше мандатов, а также потому, что именно здесь должны были состояться настоящие конкурентные выборы со всеми вытекающими последствиями в виде переисчета голосов, протестов, войны компроматов и т. п.

Наши подсчеты вскрыли несколько любопытных закономерностей. Во-первых, кандидаты от «Единой России» открыто проиграли всего в двух округах, а в двадцати предпочли просто не выставлять своих кандидатов. Очевидно, эта тактика направлена на сохранение репутации в условиях, когда у партии в данных округах отсутствуют сильные кандидаты. За счет этого средний процент поданных за «Единую Россию» голосов по одномандатным округам составил всего 44,93 %, тогда как по партийным спискам партия получила 54,2 %. Возможно, речь идет о некотором варианте «пакетного соглашения» с системными партиями, представленными в парламенте. При этом уровень поддержки кандидатов от «Единой России» значительно различался: от 93,24 % в Чечне (Делимханов) до 25,20 % в Москве (Онищенко). Явка колебалась приблизительно так же.

Во-вторых, внимательный анализ распределения явки (гистограмма в правом верхнем углу) четко показывает, что нормальное распределение отсутствует: вместо фигуры «колокол» мы видим кривую с двумя пиками около 35–40 % и 85–90 %. Тест по методу Shapiro-Wilk также говорит о том, что полученная совокупность по явке не является нормальной. Таким образом, наши вычисления подтверждают наличие регионов с режимом «особого электорального поведения», характеризующихся необычно высокой явкой и не менее высоким уровнем голосования за «Единую Россию», о которых писал Д. Орешкин. Любопытно, что если мы обратимся к анализу распределения уровней голосования за «Единую Россию» (правый нижний угол), то там картина гораздо ближе к нормальной. Очевидно, что если бы партия выставила своих кандидатов во всех округах, то левая часть графика тоже была бы заполнена и была бы сформирована нор-

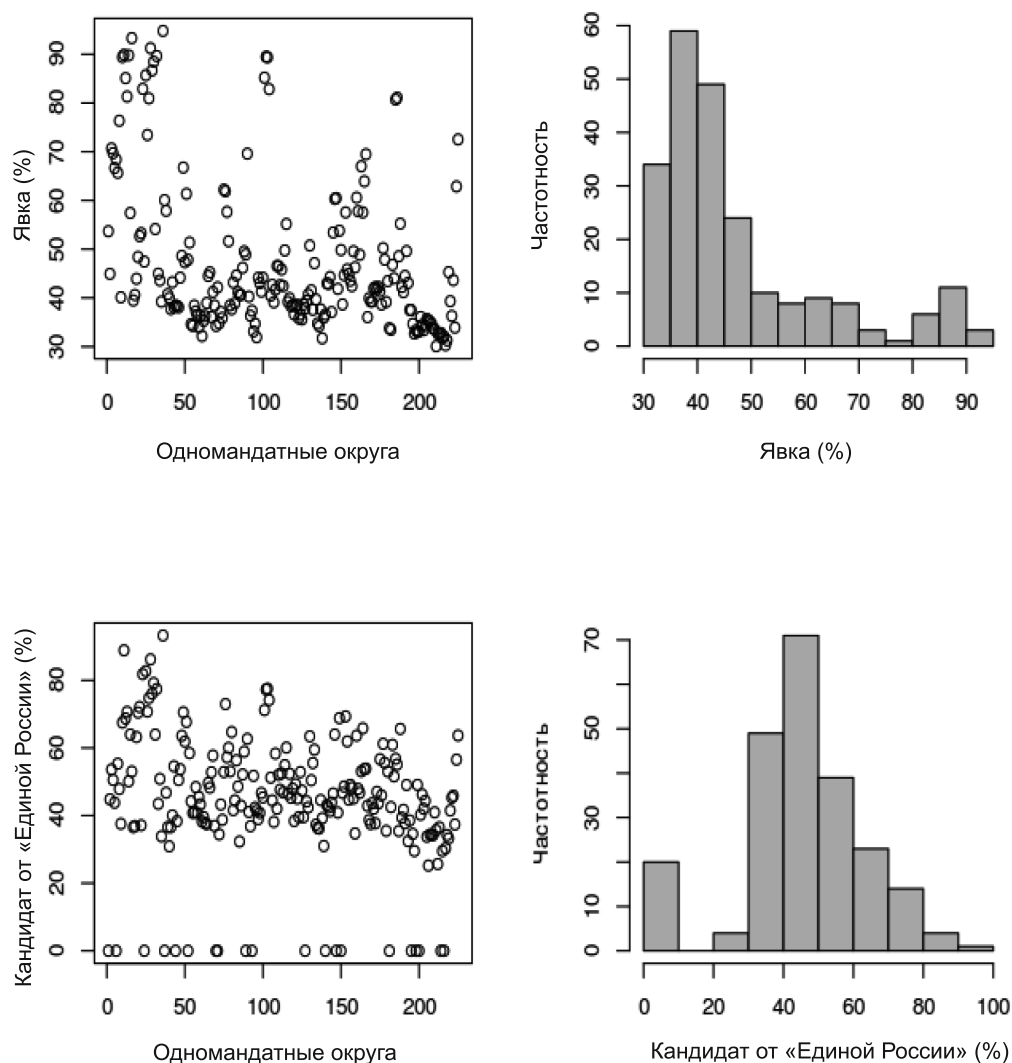

Рис. 1. Явка и уровень голосования за кандидатов от «Единой России» в одномандатных округах на выборах в Государственную думу 2016 г.

мальная фигура «колокол». Подчеркнем, что эти данные не имеют юридического характера и мы не беремся подсчитать степень вероятности, с которой можно было бы опровергать возможность существования двух типов электорального поведения в такой большой стране.

В-третьих, самым важным открытием стало обнаружение слабой, но статистически значимой корреляции между явкой и голосованием за «Единую

Россию». Согласно нашим подсчетам, коэффициент корреляции равняется 0,56 ($p\text{-value} < 0,05$). Это значит, что общая взаимозависимость есть, но небольшая. Иными словами, практическая необходимость повышения явки может рассматриваться в качестве возможного варианта, способного принести результаты. Вместе с тем эти же данные говорят о том, что достижение результата возможно и без попыток дополнительной политической мобилизации граждан.

Если мы исключим из выборки 20 округов, в которых «Единая Россия» не выставляла своих кандидатов, то картина становится еще резче. Коэффициент корреляции между явкой и уровнем голосования за «Единую Россию» составит 0,76 ($p\text{-value} < 0,05$). Это уже высокая степень зависимости. К сожалению, говорить о нормальном распределении явки и даже голосования за «Единую Россию» и в этом случае не приходится, хотя ситуация гораздо ближе к нормальной (см. рис. 2). Во всяком случае об этом говорят не только графики, но и тест Shapiro-Wilk.

Если же мы для чистоты эксперимента уберем из выборки округа, входящие в регионы, которые Д. Орешкин причислил к «электоральным султанатам», или к регионам «с управляемым голосованием» (всего 41 одномандатный округ в 20 регионах: Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Мордовия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Кабардино-Балкарская Республика, Кемеровская область, Башкортостан, Тюменская область, Чукотский автономный округ, Тамбовская область, Саратовская область, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Саха (Якутия), Астраханская область, Тульская область), то картина станет еще более интересной (см. рис. 3). Коэффициент корреляции между явкой и голосованием за кандидатов от «Единой России» в этом случае составит всего 0,35 ($p\text{-value} < 0,05$), т. е. упадет очень сильно. Это говорит о практически отсутствующей связи. Анализ графиков и особенно распределение явки улучшается, но все еще не соответствует представлениям о классическом нормальном распределении. Вероятно, было бы нелогично предполагать, что какие-то влияния на подсчет голосов имеют место только в 20 регионах, а в других — нет.

ВЫВОДЫ

Наши данные говорят скорее об отсутствии связи между высокой явкой и уровнем голосования за «Единую Россию». Неумное желание высокой явки и высоких результатов в пользу правящей партии может быть губительным для самого режима, так как способно спровоцировать протест. Реализованный на выборах 2016 г. сценарий «скучных выборов» с низкой (относительно) явкой вполне может стать «выходом». Избирательная модель, сочетающая низкую явку и смешанную избирательную систему, может быть с успехом для «Единой России» воспроизведена на следующих выборах в Государственную думу.

Что касается выборов Президента Российской Федерации, то здесь ситуация в значительной степени отличается. Президентские выборы всегда харак-

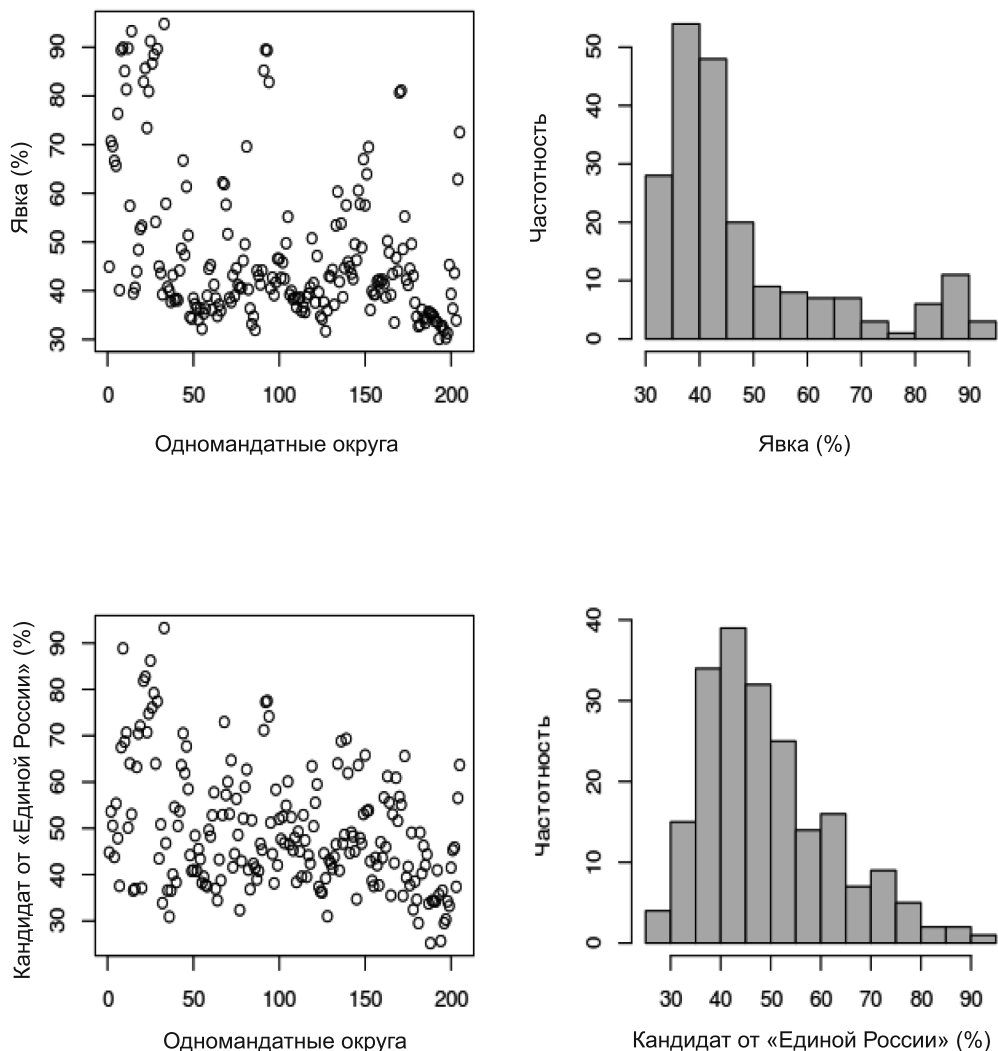

Рис. 2. Явка и уровень голосования за кандидатов от «Единой России» в одномандатных округах на выборах в Государственную думу 2016 г. без учета округов с отсутствующими кандидатами от «Единой России»

теризовались более высоким уровнем участия граждан, так сказать, *per se*. По своей природе они воспринимаются в качестве самых важных и ответственных. Низкая конкуренция может снизить явку, но и повысить результат для действующего Президента России в случае, если он решит выдвинуть свою кандидатуру. Ситуацию с неинтересными выборами мог бы значительно улучшить кандидат от внесистемной оппозиции, но этот вариант содержит дополнительные

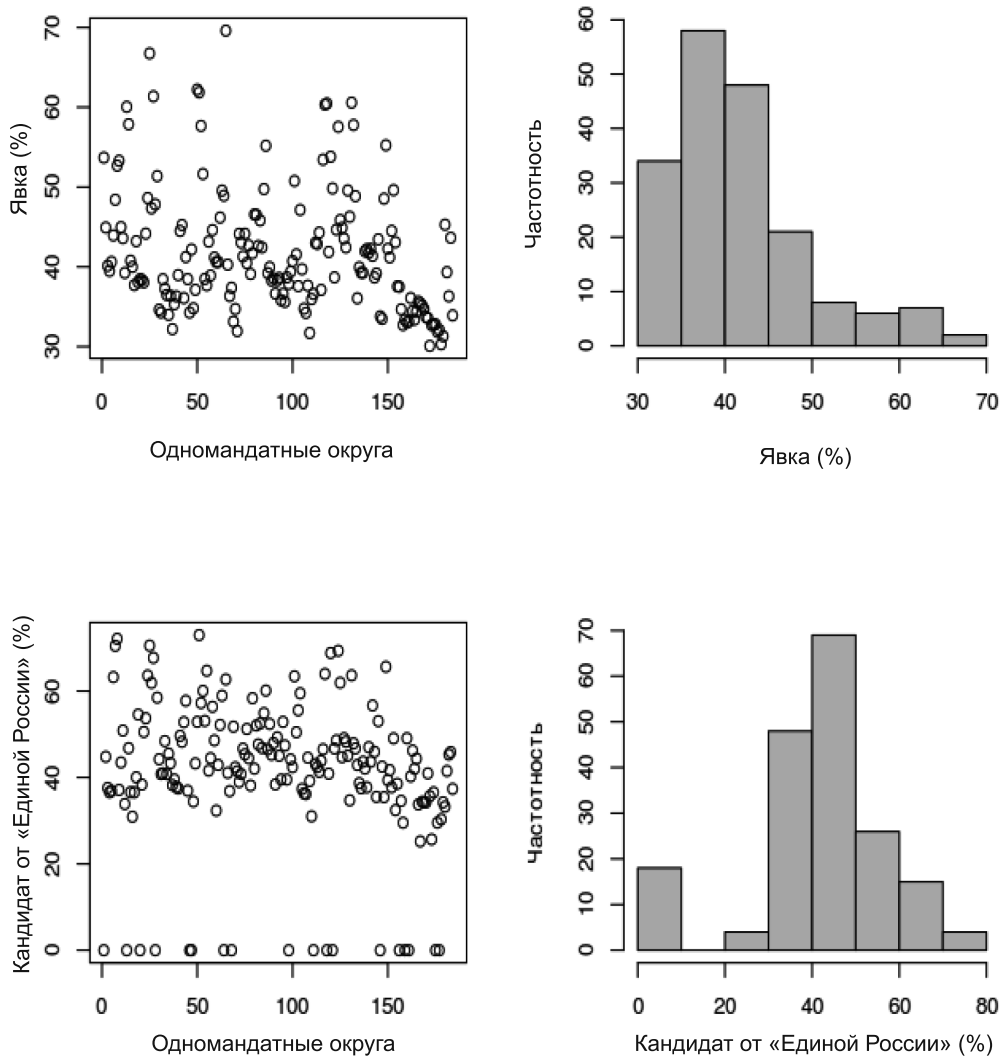

Рис. 3. Явка и уровень голосования за кандидатов от «Единой России» в одномандатных округах на выборах в Государственную думу 2016 г. без учета округов с «управляемым голосованием».

риски для политического режима в среднесрочной перспективе. Наиболее безопасным способом оживления явки избирателей на предстоящих выборах мог бы быть вариант привлечения кандидата уровня Михаила Прохорова, как это было в 2012 г. И, конечно, всегда остается вариант с привлечением международной повестки. Так или иначе, наше исследование показывает, что «накручивание явки» на выборах не должно быть первостепенной задачей для правящей

партии. С точки зрения оппозиционных партий, только повышение активности избирателей и более четкий контроль подсчета голосов могут привести к каким-то осязаемым результатам.

Литература

- Бузин А. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М.: Панорама, 2007. 271 с.
- Бузин А. Ю. О зависимости распределения голосов от явки // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 2. С. 167–170.
- Головин Ю. А. Политические технологии в избирательных кампаниях 2011–2012 годов // Конфликтология. 2012. № 3. С. 73–82.
- Калинин К., Шпилькин С. Комплексная диагностика фальсификаций на российских президентских выборах 2012 года // Троицкий вариант. 2012. № 100 (27 марта). С. 8–9.
- Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М.: Либеральная миссия, 2014. 312 с.
- Орешкин Д. Гибридные выборы. Предварительный отчет «Народного избиркома» // Новая газета. 2016. 21 сент. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/09/21/69914-gibridnye-vybory> (дата обращения: 22.09.2016).
- Попова О. В. Практики предотвращения незаконных избирательных технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. № 3. С. 43–58.
- Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М.: Проектная группа по правам человека, 1995. 363 с.
- Соколов А. В. Избирательный цикл 2011–2012 гг. и его влияние на протестную активность в России // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 5. С. 198–202.
- Туровский Р. Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. 2012. № 3. С. 100–120.
- Шпилькин С. Математика Выборов — 2011 // Троицкий Вариант. 2011. № 94. С. 2–4.
- Шумилов А. В. Мнимые и реальные исследования электоральной статистики: влияние на электоральные процессы // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 85–89.
- Электоральная Россия 2014. Ежегодный сборник статей о российских выборах. М.: Перо, 2015. 184 с.
- Электоральная Россия 2015. Ежегодный сборник статей о российских выборах. М.: Перо, 2016. 272 с.
- Gel'man V. Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60, N 2. P. 3–10.
- Goloso G. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63, N 4. P. 623–39.
- Grishin N. The Meaning of Elections in the Russian Federation // European Politics and Society. 2015. Vol. 16, N 2. P. 194–207.
- Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50, N 2. P. 281–365.
- Lonkila M. Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in the Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // The Finnish Institute of International Affairs. 2012. FIIA Briefing Paper 98. 9 p. URL: <http://www.fii.fi/assets/publications/bp98.pdf> (accessed: 22.09.2016).
- Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, N 3. P. 751–765.
- Myagkov M., Ordeshook P. C., Shakin D. The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine. Cambridge; Cambridge University Press, 2009. 304 p.
- Oreshkin D. Presidential Elections in the Russian Federation on March 4, 2012: Evolution of Regional Support. Regional Research of Russia. 2012. Vol. 2, N 3. P. 268–272.

Schedler A. (ed.) Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006. 267 p.

Sharafutdinova G. Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View From Bashkortostan and Tatarstan // Central Asian Affairs. 2015. N 2. P. 117–139.

White S., McAllister I. Did Russia (Nearly) Have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism // Politics. 2014. Vol. 34, N 1. P. 72–84.

Быков Илья Анатольевич — кандидат политических наук, доцент;
i.bykov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 15 февраля 2017 г.;

рекомендована к печати: 13 апреля 2017 г.

Для цитирования: Быков И. А. Эффект низкой явки на выборах в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации 2016 г. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 2. С. 77–88.

EFFECTS OF LOW TURNOUT IN ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE FEDERAL COUNCIL OF RUSSIAN FEDERATION 2016

Il'ia A. Bykov

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia; i.bykov@spbu.ru

Elections in modern Russia is a subject to intensive research both in Russia and abroad. Among the variety of problems studied in this area, the questions of electoral engineering and political geography are most popular. This article analyzes the effects of low turnout in the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016. The elections of 2016 took place with the modifications of some electoral procedures aimed, in particular, at reducing voter turnout. First of all, we are talking about shifting the date of elections to September. Also, the most important factor was the return to the mixed majority-proportional system. As a result of these and other political decisions, voter turnout has dropped by more than 12% comparing to the previous elections in 2011. At the same time low turnout corresponded with weak public interest and strong improvement of electoral results for 'Edinaya Rossiya' party. However, statistical analysis of elections reveals that there is no strong correlation between turnout and voting for 'Edinaya Rossiya', which means that there is no need to have a strong turnout in order to have a good electoral results for the ruling party. The author concludes that the use of mixing electoral system and low turnout has a high chance to be repeated in the future. As a by-product of the statistical analysis the author stresses the idea that there are regions with specific electoral behavior that combine a much higher level of turnout and vote for 'Edinaya Rossiya' party than the Russian average.

Keywords: elections, parliament, political agitation, political PR, politics, political campaign, regional policy, Russia.

References

Buzin A. *Administrativnye izbiratel'nye tekhnologii i bor'ba s nim* [Administrative electoral technologies and fight with them]. Moscow, Panorama Publ., 2007. 271 p. (In Russian)

Buzin A. Iu. O zavisimosti raspredeleniia golosov ot iavki [On Dependens of Votiong from Turnout]. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii* [Education Sources and Technologies], 2014, no. 2, pp. 167–170. (In Russian)

Elektral'naia Rossiia 2014 [Electoral Russia 2014]. Moscow, Pero Publ., 2015. 184 p. (In Russian)

Elektral'naia Rossiia 2015 [Electoral Russia 2015]. Moscow, Pero Publ., 2016. 272 p. (In Russian)

Gel'man V. Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia. *Problems of Post-Communism*, 2013, vol. 60, no. 2, pp. 3–10.

- Golosov G. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2011, vol. 63, no. 4, pp. 623–39.
- Golovin Iu. A. Politicheskie tekhnologii v izbiratel'nykh kampaniiakh 2011–2012 godov [Political Technologies in Elections of 2011–2012]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2012, no. 3, pp. 73–82. (In Russian)
- Grishin N. The Meaning of Elections in the Russian Federation. *European Politics and Society*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 194–207.
- Howard M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes. *American Journal of Political Science*, 2006, vol. 50, no. 2, pp. 281–365.
- Kalinin K., Shpil'kin S. Kompleksnaia diagnostika fal'sifikatsii na rossiiskikh prezidentskikh vyborah 2012 goda [Complex Diagnostics of Electoral Fraud in Russia 2012]. *Troizkii variant*, 2012, no. 100, pp. 8–9. (In Russian)
- Kynev A., Liubarev A., Maksimov A. *Regional'nye i mestnye vybory 8 Sentiabria 2013 goda: tendentsii, problemy i tekhnologii* [Regional and Local Elections September 8, 2013: Tendencies, Problems, and Technologies]. Moscow, Liberal'naia missiia Publ., 2014. 312 p. (In Russian)
- Lonkila M. Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in the Moscow Opposition Demonstrations in December 2011. *The Finnish Institute of International Affairs*, 2012. FIIA Briefing Paper 98. 9 p. Available at: <http://www.fii.fi/assets/publications/bp98.pdf> (accessed: 22.09.2016).
- Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule. *American Journal of Political Science*, 2010, vol. 54, no. 3, pp. 751–765.
- Myagkov M., Ordeshook P.C., Shakin D. *The Forensics of Election Fraud: Russia and Ukraine*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 304 p.
- Oreshkin D. Gibridnye vybory. Predvaritel'nyi otchet «Narodnogo izbirkoma» [Hybrid Elections. Preliminary Report of the 'People Izbircom']. *Novaya gazeta*, 21 September 2016. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/09/21/69914-gibridnye-vybory> (accessed: 22.09.2016). (In Russian)
- Oreshkin D. Presidential Elections in the Russian Federation on March 4, 2012: Evolution of Regional Support. *Regional Research of Russia*, 2012, vol. 2, no. 3, pp. 268–272.
- Popova O.V. Praktiki predotvrashcheniia nezakonnykh izbiratel'nykh tekhnologii [Practices of Counter-Fraud Technologies]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 2015, no. 3, pp. 43–58. (In Russian)
- Schedler A. (ed.) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder, Lynne Rienner Publ., 2006. 267 p.
- Sharafutdinova G. Elite Management in Electoral Authoritarian Regimes: A View From Bashkortostan and Tatarstan. *Central Asian Affairs*, 2015, no. 2, pp. 117–139.
- Shpil'kin S. Matematika Vyborov — 2011 [Mathematics of Elections — 2011]. *Troizkii Variant*, 2011, no. 94, pp. 2–4. (In Russian)
- Shumilov A.V. Mnimye i real'nye issledovaniia elektoral'noi statistiki: vliianie na elektoral'nye protsessy [Real and Unreal Studies of Electoral Statistics: Impact on Electoral Processes]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Herald of Chuvash University], 2013, no. 2, pp. 85–89. (In Russian)
- Sobianin A.A., Sukhovol'skii V.G. *Demokratiia, ogranichennaia fal'sifikatsiiami* [Democracy Limited by Frauds]. Moscow, Project Group on Human Rights Publ., 1995. 363 p. (In Russian)
- Sokolov A.V. Izbiratel'nyi tsikl 2011–2012 gg. i ego vliianie na protestnuuiu aktivnost' v Rossii [Electoral Cycle of 2011–2012 and Its Influence on Protest Activity in Russia]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta* [Bulletin of Tambov University]. Ser. Humanities, 2013, no. 5, pp. 198–202. (In Russian)
- Turovskii R.F. Elektoral'noe prostranstvo Rossii: ot naviazannoi natsionalizatsii k novoi regionalizatsii? [Electoral Space of Russia: From Nationalization to New Regionalization?]. *Politiia*, 2012, no. 3, pp. 100–120. (In Russian)
- White S., McAllister I. Did Russia (Nearly) Have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism. *Politics*, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 72–84.

For citation: Bykov I.A. Effects of Low Turnout in Elections to the State Duma of the Federal Council of Russian Federation 2016. *Political Expertise: POLITEKS*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 77–87.